

Г. Н. Тоцев

К вопросу о кеми-обинской культуре

онятие «кеми-обинская культура»¹ введено в научный оборот А. А. Щепинским [1; 2], ее характеристика нашла отражение как в его кандидатской диссертации [3, 4], так и в обобщающей работе [5; 6]. Выделение новой культуры энеолита–ранней бронзы было воспринято специалистами в целом позитивно, несмотря на ряд откровенно слабых позиций автора.

Кеми-обинская культура выделена на основе совокупности серии признаков. Таковыми, по А. А. Щепинскому, являлись наличие надмогильных сооружений из камня, деревянных, каменных ящиков, грунтовых ям, повторяющих форму ящика, роспись стенок, посыпка дна галькой, ракушкой и др., использование глиняного раствора, наличие антропоморфных стел, своеобразный инвентарь [3, с. 9].

Взгляды А. А. Щепинского претерпели определенную эволюцию. Если изначально ареал КОК ограничивался Крымом с осторожным предположением о более широком ее распространении [1; 3, с. 20], то позже в него вошла и территория степного Причерноморья, где обособлялись приазовский и северопричерноморский варианты. При этом не исключалась возможность и выделения ингуло-днестровского варианта [6, с. 332–333]. По мере расширения территории культуры непрестанно увеличивался и якобы характерный для нее набор признаков.

В развитии культуры выделялись три фазы, соответственно ранняя, развитая и поздняя.

Время существования культуры укладывалось в целом от нижнемихайловского горизонта до срубного периода [3, с. 20; 6, с. 336].

Исследователи оперативно отреагировали на выделение новой культуры. Несмотря на расплывчатость признаков культур эпохи энеолита–ранней бронзы, делаются попытки отнести к этой культуре отдельные комплексы, найти соответствие материалам в памятниках степного Причерноморья и Крыма [7, с. 60–61; 8, с. 7–9; 9; 10, с. 130–131; 11, с. 3]. Основным критерием при отнесении того или иного комплекса к кеми-обинской культуре во многих случаях являлось наличие каменного ящика. Количество таких памятников стремительно росло. Обратной реакцией на эту тенденцию явилось выступление В. В. Генинга, в котором он подобные погребения в Нижнем Поднепровье (свыше 250 — ? — Г. Т.) отнес к ямной знати [12].

В появившихся позже монографических исследованиях и сводных работах рассматривались вопросы происхождения, связей, контактов, хронологии КОК, ее месте в среде культур энеолита–ранней бронзы [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19, с. 217–241; 20; 21, р. 203–206, 197; 22; 23, с. 48, 50; 24, р. 227; 25, с. 201–202; см. также 26].

Как представляют сегодня исследователи КОК?

Ареал культуры. Относительно области распространения памятников этой культуры единого мнения не существует до настоящего времени. А. А. Щепинский первоначально

¹ В дальнейшем — КОК.

чально ограничивал зоной предгорного Крыма, позже распространил на крымскую степь и, наконец, на весь юг Причерноморья (см. выше). Существующие сегодня точки зрения сводятся к двум позициям: ареал КОК ограничивается Предгорным Крымом и Керченским полуостровом [23, р. 72, fig. 16], Предгорным Крымом и Юго-Западным Крымом [22, S. 50, Abb. 18], Крымом [27, с. 44] или же она охватывает более широкую зону вне Крыма как самостоятельное явление или же в рамках различных культурных образований, миграционных процессов [15, с. 17; 28, с. 26–27; 18; 29, с. 33; 13, с. 101; 30, с. 300; 19, с. 217; 238].

Вопрос о происхождении КОК рассматривался рядом исследователей. А. А. Щепинский определял ее как сложившуюся на северопричерноморской неолитической основе под влиянием культур мариупольского и кукрекского типов [3, с. 19]. А. М. Лесков, возражая против ее самостоятельного статуса, считал возможным включать ее в крымский вариант культурной области Северо-Западного Причерноморья второй половины 3–первой половины 2 тыс. до н. э. и предлагал рассматривать ее как вариант дольменной культуры [13; 14]. В. А. Сафронов интерпретирует появление памятников КОК как результат расселения племен культуры шаровидных амфор [16]. Последняя точка зрения подверглась критике со стороны И. К. Свешникова [31, с. 20]. А. Хойслер рассматривал данные памятники в рамках ямной культурно-исторической общности с сильным влиянием катакомбной культуры [32, S. 70–71; 33]. О. Г. Шапошникова, указывая на отличия между нижнемихайловкой и КОК и не объединяя их в одну культуру, подчеркивает значительное увеличение сходных черт в более позднем периоде [18, с. 15]. Чуть раньше нижнемихайловские комплексы рассматривались как один из компонентов в сложении КОК [17, с. 331], хотя в одной из предшествующей работ писалось о том, что «памятники типа нижней Михайловки и Кеми-Обы возникают и развиваются под влиянием северокавказских энеолитических культур, с которыми они, очевидно, составляют единую этнокультурную область» [34, с. 250]. Телегин Д. Я. рассматривает их совместно с нижнемихайловскими комплексами [15, с. 16–17]. Полагают, что основную роль в формировании КОК сыграли кавказские импульсы — новосвободненские племена и племена дольменной культуры [30, с. 300–301].

Исторические судьбы носителей КОК. Вопрос остается открытым. В Крыму памятники КОК сменяются катакомбными [2, с. 20]. Аналогичная ситуация, полагают, засвидетельствована также и в степном Причерноморье [30, с. 301].

Краткий обзор существующих мнений подразумевает наличие широкой источниковедческой базы, глубокое знакомство авторов различных концепций с материалами полуострова, в пределах которого была выделена КОК и откуда ее носители «расселились» в степях Причерноморья либо являлись частью одного значительного культурного образования.

Поэтому вполне закономерен вопрос: какие же материалы Крыма были положены в основу выделения самостоятельной культуры, на какой основе базировались выводы и построения различного уровня?

Нелишне напомнить, что до середины 90-х гг. материалы КОК Крымского полуострова долгое время оставались доступными специалистам в весьма небольшом количестве. Каменные ящики из раскопок Ю. А. Кулаковского, Н. И. Веселовского и др. обобщены А. Хойслером [32; 33]. Из публикаций А. А. Щепинского известны лишь единичные памятники [35; 1; 36]. В сводных работах этого автора приведены либо анонимные единичные комплексы [2], либо лишь с указанием местонахождения [6]. Первооткрывателем изданы в полном объеме единичные памятники — к. 4, 5, 6 в районе Симферопольского водохранилища; подавляющее количество комплексов в полном контексте, равно как и сам эпонимный памятник [37], остаются до настоящего времени достоянием архивов. О находках материалов КОК из раскопок Северо-Крымской экспедиции этого времени, равно как и Крымской охранной археологической экспедиции, известно исключительно по справочникам типа АО или АИУ.

Работами Керченской экспедиции (1964–1967 гг.) якобы выявлено значительное количество каменных ящиков КОК (111 комплексов!). Материалы не изданы до настоящего времени, на их основе сделаны обширные выводы [13; 14; 38;], наиболее яркие комплексы нашли отражение в отдельных работах [39]. Не известны также и материалы из раскопок Северо-Крымской экспедиции в 70-е гг. на полуострове. Знакомство автора данной работы с неизданными материалами показывает, что здесь к данной культуре были отнесены все комплексы, в конструкции которых применялся камень.

По данным А. А. Щепинского, количество памятников КОК в Крыму непрерывно возросло. Если в первой работе речь шла о 90 памятниках, среди которых 60 погребений [2, с. 16], то в обобщающем разделе говорится о 170 комплексах, для двадцати из которых характерна роспись [5, с. 258–259]. По данным кандидатской диссертации на 1972 г. в Крыму насчитывалось 200 памятников КОК [4], из них одних каменных ящиков свыше 80. Но к этому времени было опубликовано чуть более десяти комплексов, в основном из старых раскопок. Информация об остальных памятниках оставалась недоступной для исследователей.

Количество погребений росло столь стремительно потому, что одним из ведущих признаков по мере расширения ареала КОК становилось наличие перекрытия или наброски из камня в погребальных комплексах, форма грунтовой ямы. Таким образом удалось заполнить лауну в степном Крыму, соединить зоны с каменными ящиками Крыма и отдельными пунктами Причерноморья. В сводку памятников вошли многочисленные как ямные, так и не атрибутируемые в то время энеолитические, более поздние комплексы [4]. Попытка усиления одних позиций приводила к расплывчатости других.

Поэтому не вызывает удивления факт, что даже многие годы спустя после рождения новой культуры исследователи писали и пишут об «отсутствии четких критериев в выделении культуры Кеми-Обы» [19, с. 229], «недостаточно четкого определения самой культуры» [40, с. 69, прим. 110].

Подобные высказывания подразумевают, что вполне закономерно, сомнения в правомерности самостоятельного существования рассматриваемой культуры [41; 26].

После прекращения полевой деятельности А. А. Щепинского число памятников КОК увеличилось весьма незначительно. За два последние десятилетия издана в полном объеме серия погребальных комплексов в каменных ящиках [42; 43; 44.; 45; 46; 47] — всего 18. Таким образом, количество вводимых в широкий научный оборот погребальных комплексов с каменными ящиками в последнее время возрастает весьма медленно.

На сегодня исследователям без использования архивных данных доступны материалы менее сорока захоронений в каменных ящиках Крыма. При этом представления же о подобных памятниках степного Причерноморья базируются исключительно на расписных каменных ящиках, количество последних также невелико.

В настоящей работе рассматривается свыше 50 комплексов из 40 пунктов полуострова. Степень информативности памятников различна. О материалах из раскопок XIX–начала XX в. полноценных данных не имеется (9), 11 комплексов разрушено (Нижнезаморское, Веселовка, Симферопольское водохранилище, Угловое, 1/1, Почтовая, Красная Зорька, 1/1; Веселовка, 11/2; Вилино–80, п. 4; Виноградово, 1/5; Пионерское, 2/2), о некоторых имеются отрывочные данные (Курбан-Байрам, Топчи-Кой, Михайловка-Горностаевка, Константиновка, Ст. Крым; Мамай). Отдельные данные этих комплексов (направление ящиков по длинной оси, орнаментация плит, сохранившийся инвентарь) учитывались при общей характеристике. Таким образом, представляется возможным рассмотреть материалы более 40 памятников и привлечь данные 15 иных комплексов.

На территории собственно Крыма памятники КОК в их «классическом» виде (ящики из камня или дерева, с наличием конструкций из камня над ними) распределены весьма неравномерно. Их концентрация отмечается в пределах Предгорного Крыма, менее они известны на востоке Тарханкута и Керченском полуострове, единичны в степной зоне — Курбан-Байрам. Учет всех доступных материалов погребальных комплексов для территории Крыма, включая эпонимный памятник [48], дает возможность дать им оценку с позиций сегодняшнего дня.

Памятники, материалы которых привлечены в настоящей работе, отражены на карте (рис. 1).

Подавляющее количество известных памятников выявлено в Предгорной зоне. Они представлены курганными захоронениями, которые являются как основными (Кеми-Оба, Долинка, к. 1 — Курбан-Байрам, Симферопольское вдх., к. 4), перекрываемые ямными, катакомбными погребениями, так и впускными в насыпи ямной культуры (Пионерское-94, Красная Зорька).

Учет особенностей погребальных сооружений и связанных с ними конструкций из камня, погребального обряда позволяет выделить следующие типы комплексов с каменными или деревянными ящиками.

1. Каменный ящик с перекрытием, основания плит которых вкопаны в землю. Такие ящики обычно устанавливались на поверхности насыпи или древнем горизонте. Стенки ящика прямые (Вилоно-80, п. 3) или суживаются кверху (ст. Почтовая; Угловое, п. 1; Симф. к-н, 6, 6). В составе этой группы представляется возможным учитывать 28 комплексов, но многие из них потревожены в древности или исследованы частично (рис. 2). Поэтому не исключено наличие дополнительных сопровождающих конструкций.

Количество плит одного ящика колеблется от 4 до 6-7, в не потревоженных комплексах отмечено перекрытие из одной, реже двух, плит. Размеры ящиков по внутреннему обводу, как правило, незначительные, длина колеблется от 1 м до 1,8 м, а ширина от 0,96 до 1,5 м. Высота плит ящика не превышает 0,85 м. Из характеризуемых комплексов в редких засвидетельствовано наличие дна (Чистополье, Курбан-Байрам; Астанино) из одной (реже — двух) каменной плиты, для остальных свойственно грунтовое дно. В единичных случаях оно посыпано мелкой галькой (Вилоно, п. 3; Угловое, п. 1; Казанки-58, к. 5). Распространен прием замазки щелей зеленоватой или желтой глиной, забивка щебенкой. В 11 случаях отмечена роспись на стенках ящиков.

Преобладает скорченная на левом боку позиция погребенных, ориентированных на В, реже с отклонением. Иные положения костяков и направления единичны. Кисти рук поднесены к лицевой части или их расположение разнообразно.

Охра отмечена в единичных, не потревоженных комплексах (3) в виде посыпки или комков.

Происходящий из захоронений этой группы немногочисленный инвентарь характеризуют редкая керамика — Угловое, 1, 1; Почтовая (рис. 5, 3, 6), изделия из кремня — Дятловка, камня — Вилоно-80, п. 3; бронзы — Артезиан (рис. 6, 8), кости — Дятловка [49, с. 24].

По данным Н. И. Веселовского, в раскопанных им ящиках найдены были сосуд, топор, бронзовое острие. По количеству инвентаря выделяется п. 3 кургана 1 у с. Долинка (Курбан-Байрам) в Присивашье.

2. Каменный или деревянный ящик, над которым создан купол в виде усеченного конуса (Вилоно-80, п. 4; Пионерское, к. 5, п. 8; Казанки-58, к. 2) или же сделана наброска (просевший купол?) — Донское, п. 11, иногда с кромлехом (Донское, п. 9, Кеми-Обинский курган). Подобная конструкция, возможно, засвидетельствована в кургане у с. Украинка [50]. Аналогичные сооружения, но с деревянными ящиками, выявлены в Кеми-Обинском кургане (№ 1 и 2), Казанки, 2/2; Симф. 5/5, Абдал, п. 1 и 2, Зольное. Эту группу с различными вариациями конструкций из камня вокруг сооружения характеризует 20 комплексов (рис. 4, 1-6).

Наброска из камней различных размеров перекрывала погребальное сооружение, образуя подобие купола со срезанной вершиной или усеченного конуса с диаметром основания от 5-7 м (Кеми-Оба) до 10 м (Вилоно-80) и высотой от 2,4 до 4 м (Кеми-Оба, п. 1; Вилоно-80). В Кеми-Обинском кургане отмечено наличие двухъярусного купола над деревянным ящиком 1 с земляной прослойкой между камнями.

Параметры каменных ящиков близки к рассмотренным комплексам 1 группы. По своей масштабности выделяется из всех известных п. 4 у с. Вилоно (1980 г.). Его размеры 2,12×1,68 м. Для этого комплекса отмечено и наличие орнамента на трех стенках. Он сопоставим с п. 6 к. 6 в зоне Симферопольского водохранилища. Но последний имеет форму, близкую к квадрату размерами 2,35×2,45 м.

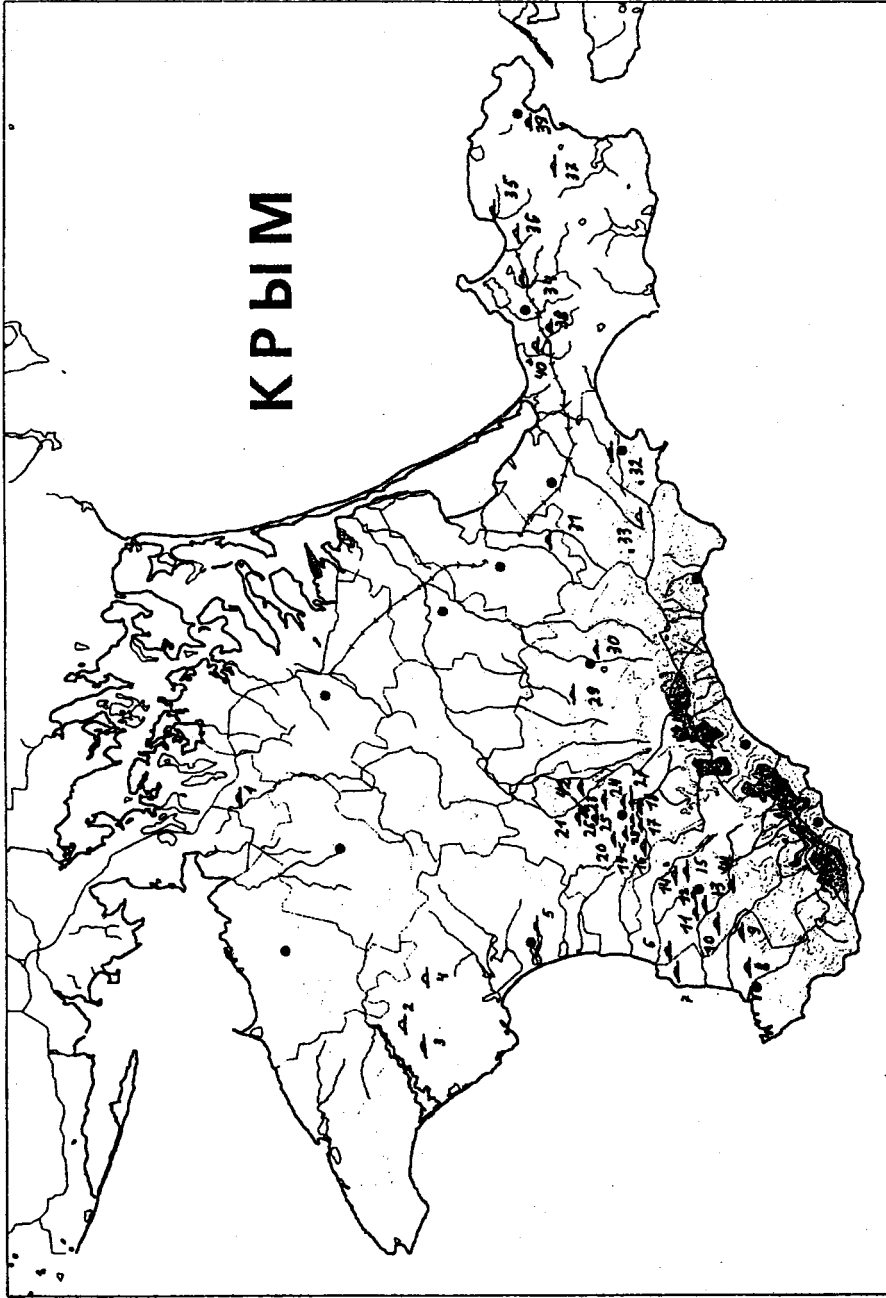

Рис. 1. Карта памятников КОК в Крыму

1 — Курбан-Байрам (с. Долинка); 2 — Наташино; 3 — Веселовка; 4 — Виноградovo; 5 — Киевский; 6 — Вилино; 7 — Улуово; 8 — Скеля-Родниковое; 9 — Азиз-Оба; 10 — Альма-Кача; 11 — Толчи-Кой (Долинное); 12 — Помологический рассадник-ВИР; 13 — с-з «Коминтерн»; 14 — ст. Почтовая; 15 — Казанки; 16 — Кояш; 17 — Украинка; 18 — Константиновка; 19 — пом. Черкес; 20 — Гут Генкель; 21 — Новософиевка; 22 — Красная Зорька; 23 — Донское; 24 — Дружное; 25 — Абдал; 26 — Сим. аэропорт; 27 — Пионерское; 28 — Симф. в-ще; 29 — Гут Готт; 30 — Кеми-Оба; 31 — Дятловка-62; 32 — Ближне-Боевое; 33 — Ст. Крым; 34 — Астанино; 35 — Артезиан; 36 — Нижнезаморское-67; 37 — Михайловка-Горностаевка; 38 — Уварово; 39 — Керчь (Катерли); 40 — Ильичево; 41 — Тургеневка; 42 — Зольное; 43 — Тургеневка

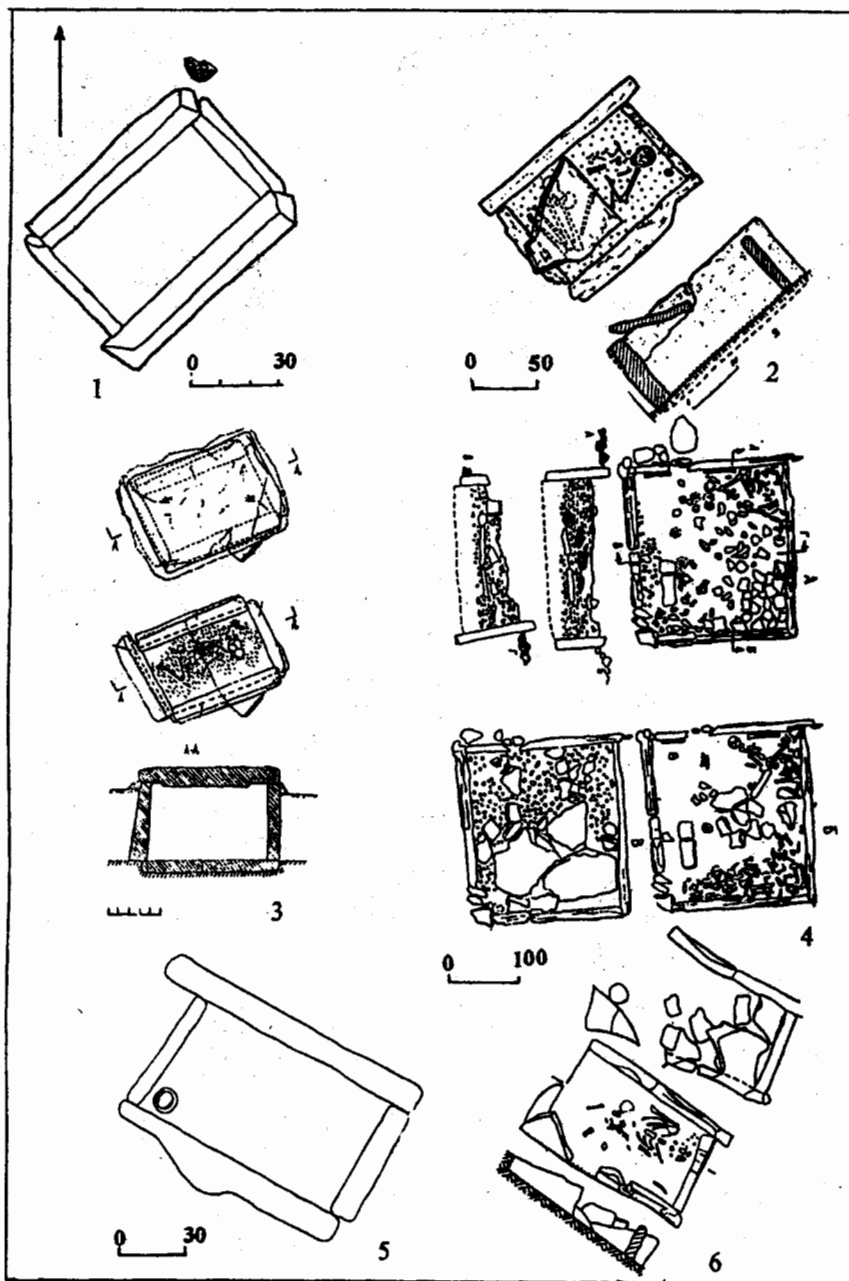

Рис. 2. Ящики

1 – Угловое, п. 1; 2 – Казанки, к. 5; 3 – Артезиан, п. 5; 4 – Симферопольское в-ще, б, 6; 5 – Почтовая, п. 1; 6 – Пионерское, 1, 2

1 – по Вдовиченко, Колтухов, 1997; 2 – по Щепинский, 1966; 3 – по Винокуров, 1998; 4 – по Столяр, Щепинский, 1981; 5 – по Лобода, Тощев, 2001; 6 – Колтухов, Тощев, 1998

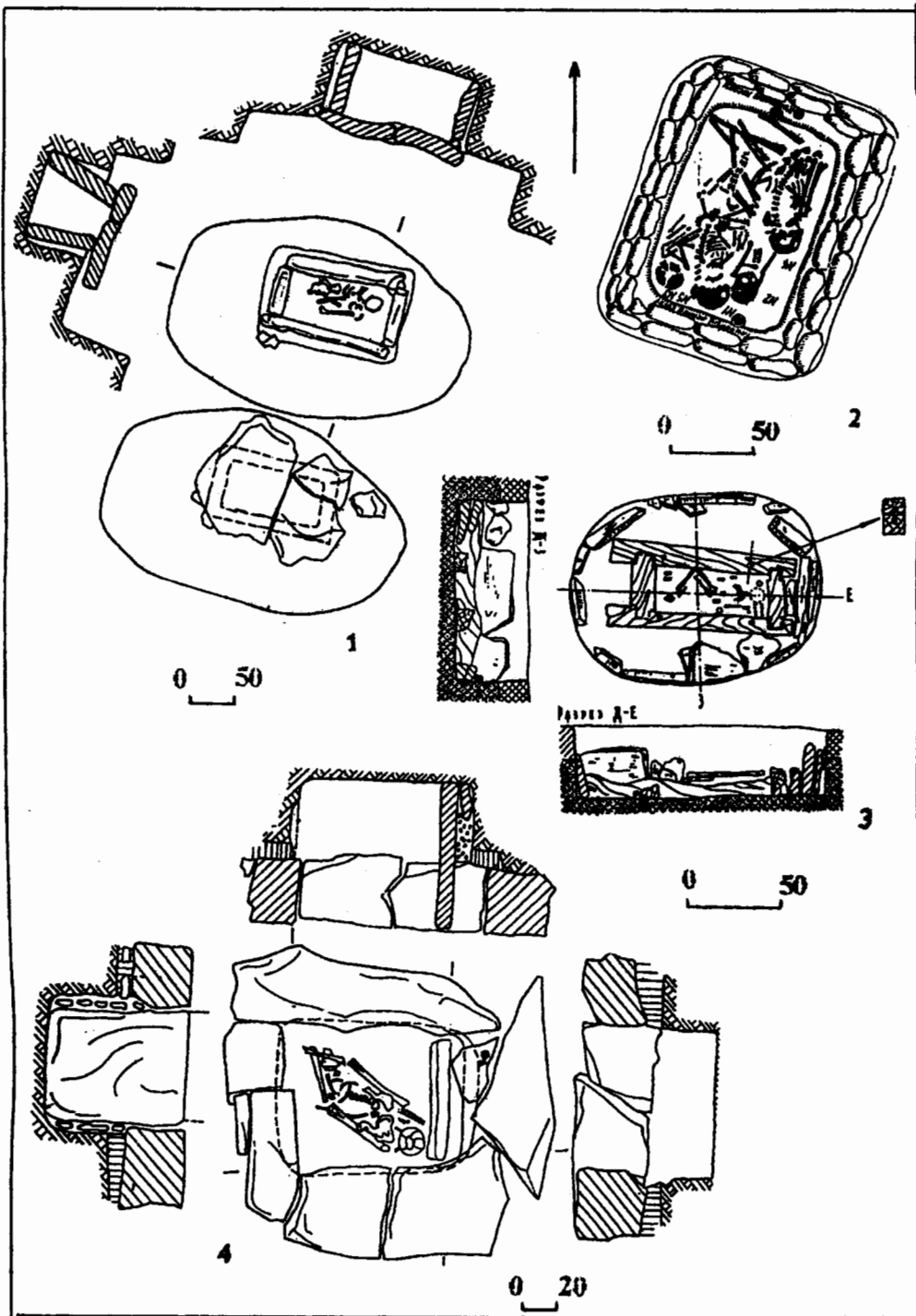

Рис. 3. Погребения с конструкциями в ямах

1 — Угловое, п. 4; 2 — Коминтерн, п. 6; 3 — КОК, п. 3; 4 — Вилино, п. 14.

1, 4 — по Вдовиченко, Колтухов, 1997; 2 — по Крис, Веймарн, 1958; 3 — по Щепинский, 1957

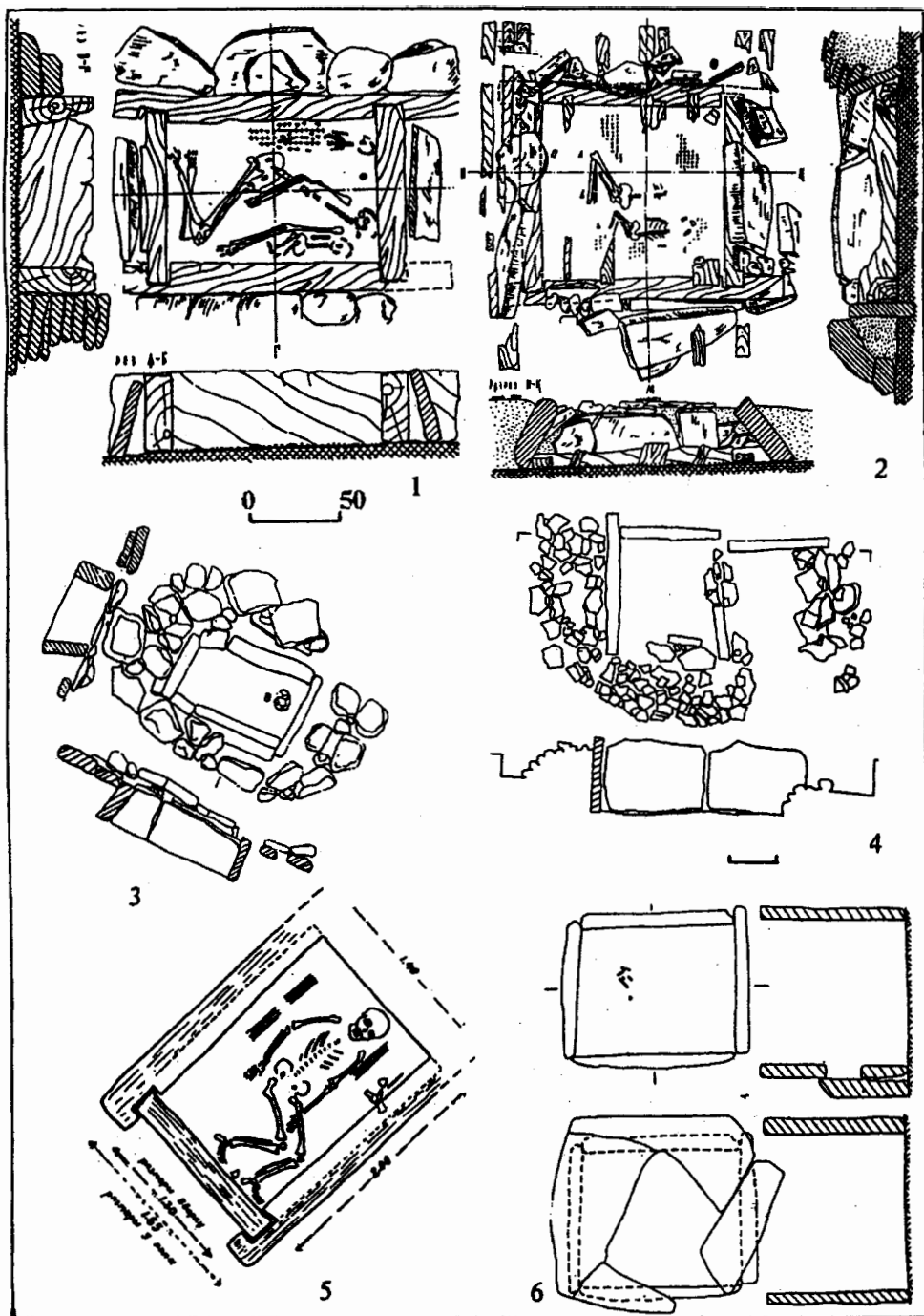

Рис. 4. Погребения под куполообразными набросками

1 — КОК, п. 2; 2 — КОК, п. 1; 3 — Веселовка, 11, 2; 4 — Пионерское-95, к. 2, п. 1; 5 — Абдал, п. 2; 6 — Вилино-80, п. 4.
 1, 2 — по Щепинский, 1957; 3 — по Колотухин, Тоцев, 2000; 4 — по Колтухов, Тоцев, 1998; 5 — по Щепинский, 1966; 1985; 6 — по Храпунов, 1992.

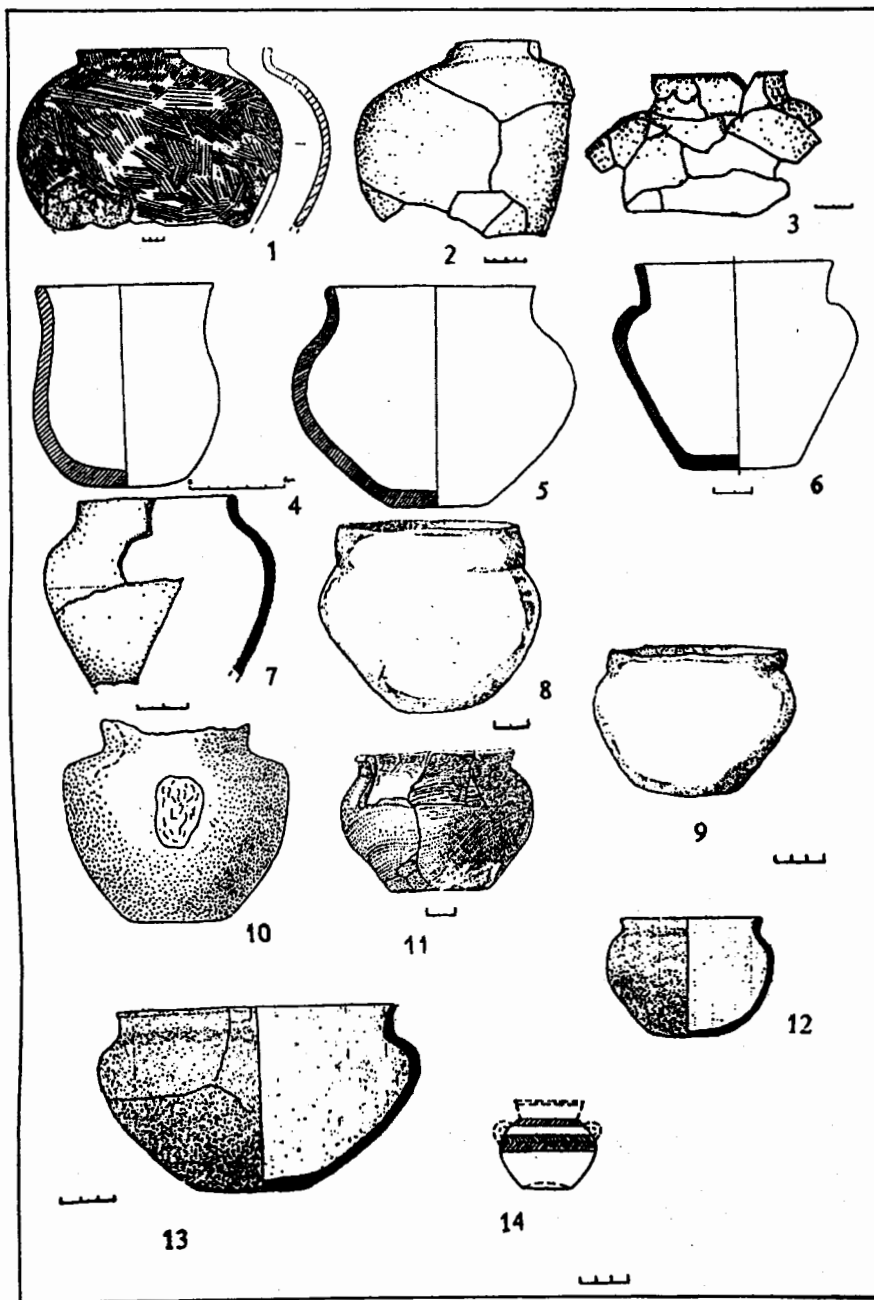

Рис. 5. Керамика погребений

1 – Вилино-80, п. 4; 2 – Угловое, п. 4; 3 – Угловое, п. 1; 4-5 – КОК, д. я. 2; 6 – Почтовая, п. 1; 7 – Пионерское-95, 2, 1; 8-9 – Симф. в-ще, 4, 9; 10 – Коминтерн, п. 6; 11 – Веселовка, 11, 5; 12, 13 – Донское, п. 9; 14 – Симф. 6, 6.

1 – по Храпунов, 1992; 2-3 – по Вдовиченко, Колтухов, 1997; 4-5 – по Щепинский, 1957; 6 – по Лобода, Тощев, 2001; 7 – по Колтухов, Тощев, 2000; 8-9 – по Столяр, Щепинский, 1981; 10 – по Крис, Веймарн, 1958; 11 – по Колотухин, Тощев, 2000; 12, 13 – по Гаврилов, 1991; 14 – по Столяр, Щепинский, 1981.

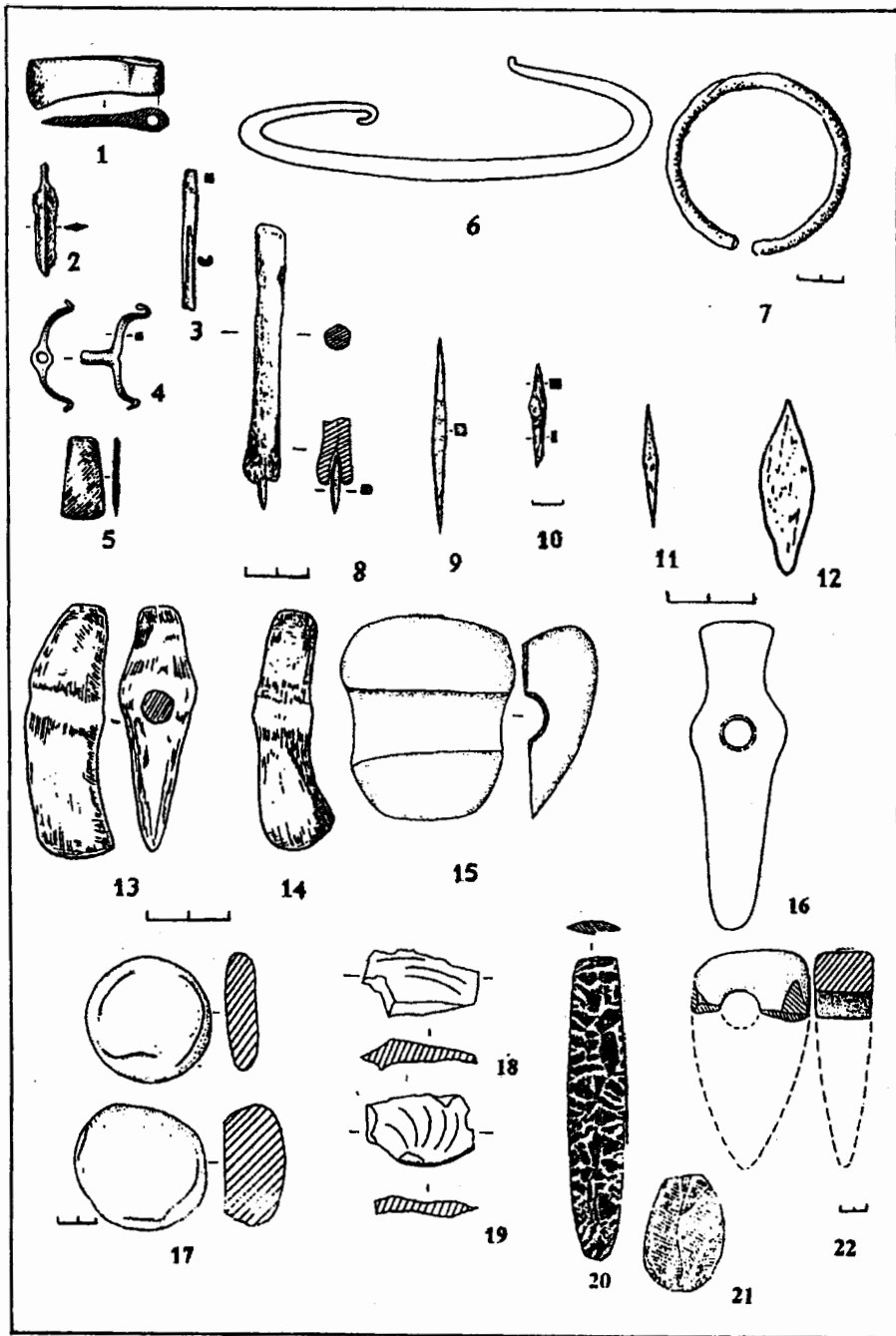

Рис. 6. Изделия из меди-бронзы (1-12), камня (13-17, 22) и кремня (18-19, 21)

1-5 - Курбан-Байрам (с. Долинка); 6 - Скеля; 7 - Вилино, п. 14; 8 - Артезиан, п. 5; 10 - Вилино, п. 4; 11-12, 14 - Абдал, п. 2; 13 - Казанки, 2, 1; 9, 15, 20-21 - Симферопольское в-ще, 6, 6; 16 - пом. Черкес; 17 - Пионерское, 5, 8; 18-19 - Пионерское-95, 2, 1; 22 - Вилино, п. 3

1-5 - по Черных, 1978; 6 - по Хойслер, 1964; 7, 10, 22 - по Вдовиченко, Колтухов, 1997; 8 - по Винокуров, 1998; 9, 15, 20-21 - по Столяр, Щепинский, 1981; 11-12, 14 - по Щепинский, 1966; 13 - по Щепинский, 1985; 16 - по Хойслер, 1964; 17-19 - по Колтухов, Тоцев, 1998; 22 - по Храпунов, 1992

Размеры деревянных ящиков близки к параметрам каменных ящиков. Так, в отдельных комплексах отмечены следующие параметры — 1,9–2×1,2–1,25 м (Казанки, 2/2); 1,2–1,25×0,8–0,85 м (КОК, д. я. 1); 1,4×1,35 м (КОК 2); 2×1,14–1,3 м (Абдал, п. 2). Известны единичные случаи, когда деревянная конструкция обкладывалась со всех поставленными вертикально каменными плитами, образующими подобие ящика (Кеми-Оба, деревянный ящик 2).

Для погребенных в каменных ящиках или под закладами из камня характерна скорченная позиция на спине, реже на левом боку. Для первых отмечена СЗ, СВ ориентация, для других — В, ЮВ. В одном случае отмечено расчленение (Вилино–83, п. 14).

Исключение составляют погребения из Донского с южной ориентацией. эти захоронения сопоставимы с ямным захоронением 6 из кургана у с. Чистенькое [44, с. 45, рис. 23, 10]. А. Гаврилов в своей публикации материалов из Донского отмечал, учитывая существующие разработки, что они близки к погребальному обряду племен майкопской и новосвободненской археологической культуры [46, с. 58–59].

Погребения в деревянных ящиках обычно являются основными, нередко с двумя или тремя костяками (Кеми-Оба, Абдал, Симферопольский курган, 5/5, Казанки, 2/2). Погребенные лежали скорченно на боку, доминирует восточная ориентация (Кеми-Оба), (Казанки), — единичны СВ, СЗ направления (Абдал). Известны случаи подсыпки дна галькой, перекрываемой циновкой. В отдельных комплексах засвидетельствована охра, древесные угольки, кости животных. Остатки росписи в виде косых полосок, по данным А. А. Щепинского, выявлены на двух стенках деревянного ящика № 1 Кеми-Обинского кургана [48].

Инвентарь представлен двумя целыми топорами, круглым каменным растиральником, сосудами, кремневыми осколками — Кеми-Оба, п. 2, округлым плоским изделием из глины и сосудами (рис. 5, 4–5, 11, 12, 13; 6, 13, 14, 17).

3. Каменный ящик, установленный в вырытую яму, перекрываемый сверху плитой — Угловое п. 4. В какой-то мере сопоставим с п. 2 к. 2 у с. Пионерское (ящик установлен в яму) и п. 6 из кургана на землях с-за «Коминтерн», где стенки ямы облицованы мелким камнем [51, с. 69, рис. 18, 1]. В последнем случае наблюдается, скорее всего, имитация ящика. В редких случаях дно ящика покрыто мелкой галькой (рис. 3).

В коминтерновском комплексе костяки лежали на боку головой на ЮЗ. В другом отмечено перезахоронение, череп погребенного помещен в ЮВВ части укладки (Угловое–83, п. 4). Эту группу дополняет п. 3 в ориентацией в кургане Кеми-Оба. Здесь деревянный ящик размещен в вырытой яме, которая разрушила камни кромлеха, воздвигнутого вокруг погребения в деревянном ящике под куполом. Сопровождающий инвентарь в могилах представлен двумя сосудами, бронзовым браслетом и двумя округлыми терочниками, отщепами кремня (рис. 5, 10; 6, 7).

Имеется также информация о захоронениях, ямы которых вырыты в ракушечнике или мергеле и стенки расписаны краской. Речь идет о таких комплексах, как Евпатория [52], Тургеневка к югу от Бахчисарая [53, с. 329], которые считаем возможным рассматривать пока в составе 3-й группы из-за отсутствия более точных данных.

Отдельные категории инвентаря представлены в погребениях каждой из выделенных групп в незначительном количестве, поэтому приводится их общая характеристика.

Керамика представлена сосудами различных форм и пропорций, среди которых выделяется серия с бомбовидным туловом (рис. 5, 1–3), сосуды с различным изгибом тулова (рис. 5, 5–9), чаши (рис. 5, 13) и др. (рис. 5, 11, 12). Детальный разбор бомбовидной керамики, включая экземпляр из Вилино, проведен А. Л. Нечитайло. Она пришла к выводу, что в подобных формах сочетаются позднемайкопские и собственно степные элементы [20, с. 26–27, 46]. Несомненный факт, что подобная керамика имеет местное производство.

Сосуды с изгибом тулова посередине или с высоко поднятыми плечиками стройных пропорций, с примесью шамота в тесте распространены в позднеямной и катакомбной культурах как Крыма, так и степного Причерноморья [44, с. 176; 178; 47, с. 224–227].

Приземистые сосуды чашевидной форсы с плоским или слегка округленным дном известны как в позднеямных, так и в катакомбных комплексах.

Сосуд из деревянного ящика № 2 (рис. 5, 4) по своей форме близок к кубкам. Подобные, но с более выраженным ребром, в большом количестве выявлены в ямных комплексах Северо-Западного Причерноморья.

Оригинальный сосуд с обломанным венчиком и ручками обнаружен в п. 6 к. 6 в районе Симферопольского водохранилища (рис. 5, 14). Аналоги этому сосуду пока неизвестны.

Коллекция находок из бронзы представлена ножами (рис. 6, 2, 12), шильями (рис. 6, 8–11), браслетами (рис. 6, 6–7), другими поделками. Нередко нож и шило находились в одном комплексе. Наиболее представительный набор обнаружен в погребении 3 кургана 1 у с. Долинка (Курбан-Байрам), в него входили двурогая вилка, топор, долото, тесло и нож, изготовленные из меди и мышьяковой бронзы (рис. 6, 1–5). Этот комплекс или отдельные предметы являлись предметом многократного изучения исследователей [54; 55; 56, с. 139; 20, с. 30–35]. Подобные изделия широко распространены в культурах ранней и средней бронзы Северного Причерноморья и находились в обращении довольно долгое время.

Имеются данные о находках молоточковидных булавок — Дятловка, Угловое, п. 1 [45, с. 18]. Верхняя часть изделия из Дятловки обломана, вторая утеряна. Отметим, что сведений о подобных изделиях в аналогичных комплексах степного Причерноморья не имеется. По данным А. А. Щепинского, в деревянном ящике из кургана у с. Зольное найдено 85 просверленных зубов оленя, лежащих двумя рядами на бедрах погребенного [57, с. 81]¹. Молоточковидные булавки широко представлены как в ямных, так и раннекатакомбных комплексах, подвески из зубов оленя распространены в памятниках неолита-ранней бронзы.

Поделки из камня характеризуются навершием булавки из диорита (Уютное), растительными, целыми топорами (Казанки, Абдал, пом. Черкес и др.) или их обломками — Симферопольское в-ще, 6, 6; Вилино, 80, 3, (рис. 6, 13–16, 22). Последние находки сопоставимы с материалами из позднеямных и катакомбных погребений.

Единичны находки поделок из кремня, представленные отщепами или пластинами, — Дятловка, Кеми-Оба, п. 2; Пионерское, 2, 1; Симферопольское в-ще, 6, 6 (рис. 6, 18–21).

В отдельных погребениях отмечены кости животных. Такие находки известны, например, в п. 1 к. 1 ур. Абдал (Симферополь).

О соотношении между комплексами выделенных групп судить затруднительно. В курганной насыпи обычно находится одно сооружение из камня. Случаи нахождения нескольких погребений редки. Так, в Кеми-Обинском кургане (основное в деревянном ящике под куполообразной каменной насыпью в окружении кромлеха) впускным являлся деревянный ящик, нарушивший кромлех. В курган у с. Угловое (ящик в яме с уступом) впущен орнаментированный каменный ящик, а в вилиновском кургане (1980 г.) погребение 1 группы более раннее, нежели п. 4 (III группа). В кургане 6 Симферопольского водохранилища, возведенном над п. 5 с каменной наброской, впускным являлся каменный ящик 6.

Известны также случаи стратиграфического соотношения с инокультурными погребениями. Так, в курган Курбан-Байрам, возведенный над расписным ящиком, впущено ямное погребение с деревянными колесами. Подобная ситуация засвидетельствована в кургане 18 у с. Наташино, возможно, в кургане ур. Артезиан. Обратное стратиграфическое соотношение отмечено в кургане у с. Красная Зорька, Пионерское-94, к. 1; Донское, пос. Киевский, к. 3.

На одновременность собственно позднеямных погребений и комплексов с каменными сооружениями, расписными плитами указывают и материалы кургана под Бахчисарем. В 1953 г. на территории Помологического рассадника ВИРА был исследован курган,

¹ По данным А. А. Щепинского, известны и другие находки из кости. Так, в расписном ящике в разрезе трапезиевидной формы у с. Чеботарка Сакского р-на (1966 г.) в полуразрушенном кургане среди костей скелета взрослого человека был найден обломок костяной пряжки [6, с. 336]. Скорее всего, именно эта единственная находка явилась основанием для установления верхней даты КОК. Подобные комплексы в настоящее время датируются периодом КМК.

основным в котором являлось захоронение в яме с уступом. Костяк лежал скорченно на спине, колени влево, головой на СВ. На краю уступа, в СВ части, находился обломок плиты с росписью, воспроизводимый в работах А. А. Щепинского при характеристике КОК [1, с. 42, рис. 4, 16].

Напомним, что признаками КОК, по А. А. Щепинскому, являются: наличие каменных конструкций (от заклада над могилой до мощных сооружений в виде купола, крепиды и т. д.); своеобразие могил — деревянные или каменные ящики, грунтовые ямы близких форм (с расширяющимися книзу стенками); наличие росписи на стенках могил; посыпка дна могил галькой, известняком, ракушкой; применение глиняного раствора; наличие различных типов стел, менгиров; своеобразный инвентарь — керамика, кремневые орудия микролитического облика, шлифованные топоры, изделия из меди [3, с. 9]. С этой же культурой связываются и все проявления монументального искусства [3, с. 17].

Лакуну между предгорным Крымом и Степным Причерноморьем А. А. Щепинский «заполнил» своеобразной серией памятников — грунтовыми ямами с расширяющимися книзу стенками, иногда боченковидной формы. Для них свойственно также наличие перекрытия из камня или деревянного наката. Такие захоронения предназначались, по мнению А. А. Щепинского, для рядового населения, единственный известный в степном Крыму комплекс (Долинка, к. 1, п. 3) объяснялся захоронением знатного лица.

Ямы различных форм с перекрытием широко засвидетельствованы на огромной территории от Волги до Дуная и традиционно всеми исследователями связываются с ямной культурой [58; 59; 60; 61].

Как показано выше, из набора признаков, свойственных, по мнению А. А. Щепинского, КОК, лишь один — орнаментация стенок ящика — менее известен в других культурах.

На полуострове автору известно свыше 36 таких комплексов (чаще засвидетельствованных в первой группе и реже во второй), в которых стенки каменных ящиков имеют орнамент, выполненный прочерченной техникой или краской. Использовались красная, желтая, черная или белая краски. В этом случае орнамент наносился изнутри на одну-две плиты, редко на всех 4 стенках каменного ящика, вне зависимости от возраста и пола погребенного. Он представлен обычно геометрическими композициями, среди которых ромбы, треугольники, косые кресты, «дерево жизни» (рис. 7). По данным исследователей, остатки росписи сохранились и на стенках ям, вырытых в мергеле или ракушечнике [53; 52]. Реже представлены выгравированные или прочерченные рисунки в виде круга, лучей, подборку которых приводит А. А. Щепинский в одной из своих работ [35].

Отметим, что известные автору материалы на территории Крыма дают основание говорить о менее сложной системе орнаментации и сюжетных мотивах на плитах в сравнении с подобными памятниками степного Причерноморья [62; 63; 64; 65].

Упомянем также, что отдельные элементы росписи сопоставимы со знаками на различных материалах как новотиторовского, ямного, так и катакомбного обществ, культуры многоваликовой керамики [66, с. 116; 65; 25, с. 171–174]. Интерпретация как отдельных знаков, так и знаковых блоков исследователями различна.

Наконец, с КОК связывает А. А. Щепинский и находки стел на территории Крыма.

В настоящее время на полуострове известны находки более десятка как стел, так и плит с рисунками. Условия их обнаружения различны, наиболее выразительные (Бахчи-Ель, Казанки) найдены вблизи курганов. В последнем случае, как установлено А. А. Щепинским, стела могла происходить из кургана с погребением КОК.

Изучение монументальной скульптуры эпохи энеолита–бронзы продолжается уже не одно десятилетие [библ. см. 67, 66, 29]. Среди исследователей единого мнения относительно культурной принадлежности антропоморфной скульптуры из камня не существует. Если Д. Я. Телегин связывал появление стел с нижнемихайловским населением [15, с. 16–17], то позже объяснял их появление и распространение с деятельностью носителей КОК [29, с. 33–35], от которых ямное население восприняло умение воспроизводить более примитивные изваяния. А. М. Лесков авторами стел также рассматривал предшественников ямных племен [38]. Взгляды самого А. А. Щепинского о культурной принадлежности стел также претерпели изменения. Если в начале 60-х гг.

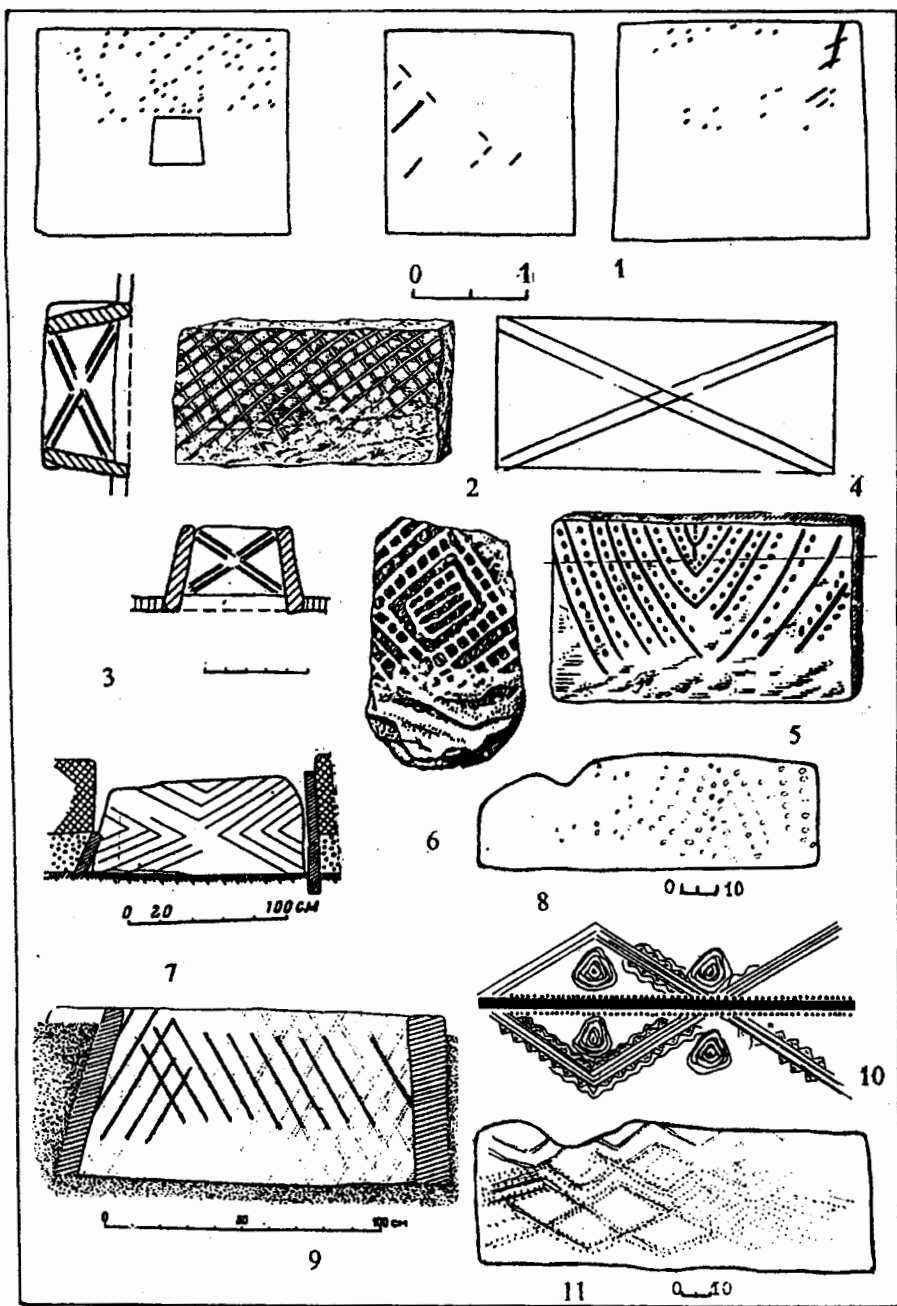

Рис. 7. Плиты с росписью из погребений эпохи ранней бронзы

1 – Вилино-80; 2 – пом. Черкес; 3 – Угловое, п. 1; 4 – Новософиевка; 5 – район округи имферополя, раскопки Н. И. Веселовского; 6 – Помологический рассадник ВИРа, 1, 12; 7 – Украинка; 8 – Красная Зорька, 1, 1; 9 – Почтовая; 10 – Кояш; 11 – Пионерское-95, 2, 2

1 – по Храпунов, 1992; 2 – по Хойслер, 1976; 3 – по Вдовиченко, Колтухов, 1997; 4 – по Щепинский, 1963 (по Хойслер, 1964); 5 – по Щепинский, 1963; 6 – по Щепинский, 1968; 7 – по Щепинский, 1963; 8, 11 – по Колтухов, Тоцев, 1998; 9 – по Лобода, Тоцев, 2001; 10 – по Хойслер, 1976

автор стелы датировал ямно-катакомбным временем [1, с. 39], при этом простые связывал с ямной культурой, а сложные — с КОК, то позже он сделал заключение, что «у кеми-обинских племен (как и у других соседних синхронных культурах) много культов и верований имели свой антропоморфный облик» [68, с. 27]. Таким образом, признавалась практика существования скульптуры в среде различных культур. Постепенно он пришел к выводу о необходимости увязывать все яркие изваяния с кеми-обинскими племенами, от которых они появились в ямной среде [6, с. 334–335].

Исходя из известных разработок, появление и распространение монументальной скульптуры в различных культурах эпохи бронзы Европы можно объяснить уровнем социально-экономического развития населения, что и вызывало рождение новых культов, среди которых изваяния выполняли различные функции.

Проблема истоков, времени и распространения каменной скульптуры является предметом изучения многих исследователей. Различные типы монументальных сооружений появляются в эпоху энеолита у носителей многих археологических культур на огромной территории и бытуют до эпохи средневековья [см. *напр.* 66, с. 108–121]. Полагать их происхождение из единого центра, рассматривать как свидетельство миграций, внедрение и распространение в наиболее консервативной сфере, погребальной обрядности, — значит заранее обрекать решение проблемы на долгие времена.

В настоящее время часть исследователей эпохи энеолита–бронзы наличие каменных гробниц в ямном ареале (в курганах они чередуются с типично ямными погребениями) объясняют социальными процессами в обществе. Известные разработки показывают, что ямные племена находились на достаточно высоком уровне развития, среди них большую роль играли служители культа. С последними, обладающими наследственным статусом, и считаем возможным связывать обряд захоронения в каменных (реже в деревянных) ящиках.

На вопрос, возник ли этот обычай в среде ямного населения на определенной стадии развития, был ли воспринят от предшествующих племен или заимствован для маркировки захоронений выдающихся лиц из иного культурно-исторического окружения, однозначного ответа на современном уровне знаний не существует. Равно как и на вопрос, где — в степном Причерноморье или в Предгорном Крыму, в другой зоне — появляется этот обряд.

Ямные племена, проникнув в предгорья Крыма, вобрали элементы местных энеолитических племен и испытывали некоторое время определенное влияние культур Кавказа, что и предопределило своеобразие материальной и духовной культуры населения этой зоны, природные условия которых были более благоприятны для обитания.

Яркие и самобытные, но немногочисленные памятники этой группы привлекли внимание А. А. Щепинского, были положены в основу выделения самостоятельной культуры. Обособление нашло поддержку у коллег, потому что заполняло лакуну в изучении древней истории Крыма. К тому же оно совпало по времени с общим направлением активизации изучения периода энеолита–бронзы, как следствие — выделение новых культур или вариантов. Однако новые материалы расширили рамки от культуры к культурно-исторической общности, что вызывало необходимость постоянного увеличения признаков, «называния» их один на другой, в результате чего они стали расплываться, переставали быть характерными. Исходя из них, значительный массив ямных памятников степного Причерноморья должен бы получить иную атрибуцию. Однако в ряде обобщающих работ по ямной тематике подобная интерпретация остается без должной реакции.

Ситуация осложнялась отсутствием полноценных и добротных публикаций источников, что возможно объяснить прежде всего субъективными качествами исследователя¹.

Как следствие — дисбаланс между доступным всем фондом источников и выводами глобальных масштабов. В результате наблюдается появление различных теорий и гипотез

¹ Именно здесь уместно вспомнить высказывание: «Не изданный материал — за пределами царства археологии. Аргументы, поддержанные неизданным материалом, — не поддерживаются» (Smyth, Alfred. *Warlords and holy men*, 1984).

тез, суть которых сводится к поиску «места под солнцем» данной «культуре». Выход из сложившейся ситуации осложнялся и тем, что зачастую рассматривался в русле общеевропейских тем (проблема мегалитов, монументальной скульптуры и т. д.), разрешение которых еще впереди.

Снять с повестки дня часть вопросов и предполагает настоящая статья, основные положения которых высказаны из-за объема пока тезисно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щепинский А. А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму//СА. — 1963. — № 3. — С. 38–47.
2. Щепинский А. А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму//СА. — 1966. — № 2.
3. Щепинский А. А. Энеолит Крыма//Автореф. дисс. 07.00.06. — К., 1975.
4. Щепинский А. А. Энеолит Крыма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Симферополь — 1975а 246 с. Опись № 2, фонд № 32, НА ИА АН УССР, № 550 — 246 листов.
5. Щепинський А. О. Кемі-Обінська культура//Археологія Української СРСР. — К.: Наукова думка, 1971. — Т. 1. — С. 258–263.
6. Щепинский А. А. Кемі-Обинская культура//Археология Украинской ССР. — Т. 1. — К., 1985. — С. 331–336.
7. Даниленко В. Н. Энеолит Украины. — К.: Наук. думка, 1974.
8. Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова О. Г. О памятниках эпохи меди-ранней бронзы в бассейне р. Ингула//Древности Поингуля. — К. — С. 7–36.
9. Субботин А. В., Черняков И. Т., Ядвичук В. И. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья//МАСП. — 8. — 1976.
10. Ковчаненко Г. Т., Бунатян Е. П., Гаврилюк Н. А. Раскопки курганов у с. Ковалевка//Курганы на Южном Буге. — К., 1978.
11. Генинг В. В., Корпусова В. Н. Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с. Источное и с. Болотное. — К. — Препринт 89.11. — 1989.
12. Генинг В. В. К вопросу о «кеми-обинских» погребениях степного Причерноморья//Актуальные проблемы историко-археологических исследований. — К., 1987.
13. Лесков А. М. Нове в стародавній історії Півдня України//УІЖ. — 1967. — № 2. — С. 100–103.
14. Лесков А. М. Курганы, поиски, находки. — М., 1981.
15. Телегін Д. Я. Енеолітичні стели та пам'ятки нижньомихайлівського типу//Археологія. — Вип. 4. — 1971.
16. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа//Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. — Сообщения. — Вып. VII. — М., 1974.
17. Шапошникова О. Г. Ямная культурно-историческая общность//Археология Украинской ССР. — К., 1985.
18. Шапошникова О. Г. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины//Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К.: Наук. думка, 1987. — С. 3–16.
19. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. — Горький, 1989. — 402 с.
20. Нечитайло А. Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. — К., 1991.
21. Mallory I. P. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. — London, 1989. — P. 203–206, 197.
22. Dergacev V. Entwicklungen im Raum zwischen Karpaten und Dneistr//Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. — München, 1998. — S. 48, 50.
23. Dergacev V. A. Cultural-historical Dialogue between the Balkans and Eastern Europe (Neolithic-Bronze Age)//Thraco-Dacica. Т. XX. — 1–2, 1999. — P. 33–78.
24. Szmtyl M. Die Kugelamphorenkultur und die Gemeinschaften der Steppenwald- und Steppenzone Osteuropas. Der Forschungsstand und die Forschungsperspektiven im Grundriss//Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. — München, 1998. — S. 227

25. Гей А. Н. Новотиторовская культура. — М., 2000. — 224 с.
26. Тесленко Д. А. К вопросу о культурной принадлежности погребений в каменных гробницах степной Украины (историографический аспект)//Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». — Самара, 2001. — С. 25–32.
27. Гаврилов О. В. Про два варіанти Кемі-Обінської культури в Криму//Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. — К., 1989.
28. Телегін Д. Я. Культурна належність і датування випростваних енеолітичних поховань Степового Подніпров'я//Археологія. — 1987. — № 60. — С. 17–30.
29. Телегін Д. Я., Потькіна І. Д. Кам'яні «боги» мідного віку України. — К., 1998. — 46 с.
30. Давня історія України. — К., 1997. — Т. I.
31. Свешников И. К. Культура шаровидных амфор//САИ. — Вып. В1–27. — М., 1983.
32. Hdusler A. Innenverzierte Steinkammergräber der Krim//Jm. V. 48.–Halle (S.). — 1964. — S. 59–82.
33. Hdusler A. Die Gräber der älteren Ochergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten. — Berlin, 1976.
34. Шапошникова О. Г. Пам'ятки типу нижнього шару Михайлівки//Археологія Української РСР. — 1971. — Т. I. — С. 250–258.
35. Щепинский А. А. Соляные знаки эпохи бронзы из Крыма//СА. — № 2. — 1961. — С. 227–231.
36. Столяр А. Д., Щепинский А. А. Курганы у Симферопольского водохранилища (Ч. 2)//Катакомбные культуры Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1981.
37. Щепинский А. А. Отчет о раскопках длинного кургана Кемі-Оба близ Белогорска в 1957 году. — НА ИА НАН Украины, 1957/12, ф. е. 3034.
38. Лесков А. М. Работы Керченской экспедиции ИА АН УССР//АИУ в 1965–1966 гг. Вып. 11. — К., 1967. — С. 30–35.
39. Leskov A. Treasures from the ukrainian Barrows: latest discoveries. — Leningrad, 1972.
40. Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. I. — Луганськ, 2001.
41. Тощев Г. Н. Об одной из культур эпохи ранней бронзы Крыма//Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной конференции, посвященной 10-летию независимости Украины. — Х., 2001.
42. Храпунов И. Н. Кемі-обинский курган у с. Вилино//Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. — Симферополь, 1992.
43. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. — М., 1998.
44. Колтухов С. Г., Тощев Г. Н. Курганные древности Крыма. II. (По материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993–1995 гг.). — Запорожье, 1998.
45. Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Два кургана в междуречье Альмы и Качи//БИАС. — Вып. 1. — Симферополь, 1997.
46. Гаврилов А. В. Курган эпохи бронзы у села Донское в Крыму//ПАСП. — Херсон, 1991.
47. Колотухин В. А., Тощев Г. Н. Курганные древности Крыма. III. — Запорожье, 2000.
48. Щепинский А. А., Тощев Г. Н. 2001. Курган «Кемі-Оба»//СППК. — Т. 9. — Запори́жжя, 2001.
49. Латынин Б. А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка//АСГЭ. — 1967. — № 9.
50. Щепинский А. А. О неолите и энеолите Крыма//СА. — 1968. — № 1. — С. 121–133.
51. Крис Х. И., Веймарн Е. В. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая//КСИИМК. — 1958. — Вып. 71. — С. 65–71.
52. Щепинський А. О. Кримська охоронно-археологічна експедиція 1969 року//АДУ в 1969 р. — К., 1972.
53. Бельгий А. В. Работы Бахчисарайского музея//АО–80. — М., 1981. — С. 229–230.
54. Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла в территории СССР//СА. — № 4. — 1978. — С. 53–82.

55. Корневский С. Н. О металлических топорах майкопской культуры//СА. — 1974. — № 3. — С. 14–32.
56. Ильюков Л. С. Металлические «вилки» майкопской культуры//СА. — 1979. — № 4. — С. 138–146.
57. Щепинский А. А. Во тьме веков. — Симферополь, 1966.
58. Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант)//САИ. — К.: Наук. думка, 1986. — Вып. В1–3.
59. Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. — Автореф. дис. ... докт. ист. наук — М., 2000.
60. Иванова С. В. Населення ямної культурно-історичної спільноти Північно-Західного Причорномор'я (дослід соціальної інтерпретації поховальних пам'яток)// Автореф. дис. ... канд. іст. наук. 07.00.04. — К., 2000.
61. Тесленко Д. А. Ямна культура Дніпровського Надпоріжжя та правобережного Передостепу. — Автореф. дис. ... канд. іст. наук. 07.00.04. — К., 1999.
62. Крилова Л. П. Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964–1966 рр.//Наш край. — Дніпропетровськ, 1971.
62. Шилов Ю. О. Перший та четвертий Старосільські кургани//Археологія. — 1977. — № 22.
64. Субботин А. В. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья //РА. — 1995. — № 3. — С. 193–198.
65. Пустовалов С. Ж. Знакова система населення Інгульської катакомбної культури та проблема появи писемності у Північному Причорномор'ї//Наукові записки НУКМА. — Т. 18. — 2000.
66. Довженко Н. Д. Проблеми дослідження найдавніших мегалітичних пам'яток України//Праці Центру пам'яткознавства. — Вип. 2. — К., 1993. — С. 108–136.
67. Новицкий Е. Ю. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. — Одесса, 1990. — 182 с.
68. Щепинський А. О. Антропоморфні стели Північного Причорномор'я//Археологія. — Вип. 9. — К., 1973. — С. 21–28.
69. Лобода И. И., Тоцев Г. Н. Новый кеми-обинский комплекс из Бахчисарайского района (в печати).

Summary

G. Tshbchev. *Anent the Kem-Obinsk Culture*

The article represents critical analysis of the Kem-Obinsk culture (KOC) of the Bronze Age that was segregated more than 40 years ago for the piedmont zone of the Crimean peninsula and that gradually became a cultural and historical community that covered all the Crimea and steppes of the Northern Black Sea Coast. On the grounds of analysis of more than 50 Crimean “Kem-Obinsk” complexes, the author comes to a conclusion that neither of features that are considered characteristic for this phenomenon — presence of stone constructions above tombs, arrangement of stone or wooden boxes in tombs, painting walls of sepulchral holes, sprinkling the bottom with pebbles, limestone bits or shells, existence of various types of stone steles and menhirs, original structure and character of accompanying implements — can be considered inherent to the KOC only because they have the analogies in multitude in some cultures of the Early Middle Bronze ages. In the author's opinion, the characterized monuments are left by pit tribes which, having penetrated into the Crimean piedmonts, have absorbed some traditions of local Aeneolithic inhabitants and have been influenced in a certain manner by the part of the Northern Caucasus, that has predetermined an originality of their material and spiritual culture.

